

Посвящается Колину

Имена и персональные данные некоторых лиц
были изменены в целях конфиденциальности.



*Я не думаю, что мы готовы умереть —
хоть один из нас — в полном одиночестве.*

Дж. М. Кутзи

Мальчик

Когда его привезли, он был едва жив. Это был красивый парень, только достигший подросткового возраста. Мы раздели его. Смуглое, худое тело мальчика неподвижно лежало в свете операционных ламп.

Огнестрельное ранение не кровоточило. Этот небольшой круглый дефект на его груди даже не привлекал внимания и был похож на маленький открытый голубой глаз.

Я подумал о сыне. Я сразу его вспомнил.

Молодой хирург пришел моментально. Как всегда, на работе с самого утра. Как всегда, голодный и худой. Этот врач — хорошо обученный специалист, высокомерный и быстрый, у него прекрасная реакция, а движения грациозны, этого не отнять. Он смотрит сквозь меня, как будто не понимает, откуда я взялся. Мне все равно. Это меня не задевает. Я знаю, что

этот хирург будет действовать грамотно, быстро и решительно, а сейчас это жизненно необходимо.

Он сделает все, чтобы спасти мальчика.

— Когда пропал пульс? — спросил он фельдшера.

— По дороге в больницу, — ответила она.

Хирург приступил к спасению ребенка без промедлений. В его решимости была особая красота и эстетика.

Он наклонился, обработал кожу йодом, надел пару стерильных перчаток, взял скальпель в правую руку и одним движением сделал разрез от грудины до самой простыни. Ткани не оказывали сопротивления острому лезвию, все это выглядело, как легкий взмах руки.

— Откройте набор для торакотомии, — командовал он через плечо ассистентам.

Я стоял сразу позади него. Мне был виден каждый шаг, каждое движение врача в свете операционной лампы.

Рана была бескровной. Кровь должна была сочиться каплями из перерезанных капилляров, но рана оставалась чистой и сухой, это было заметно.

Он взял ножницы, вставил одно из лезвий под ребра и поднял руку к груди. Мы увидели лег-

кое — бледное, слегка серое, с прилипшими желтыми шариками жира.

К тому времени набор для торакотомии был готов. Хирург вставил реберный ранорасширитель, и грудная клетка мальчика раскрылась, как цветок.

Темная кровь полилась прямо на пол.

Еще в студенческие годы мне посчастливилось попасть в лабораторию моего преподавателя. Он проводил фундаментальные исследования, пытаясь найти способ сохранить мозг живым в течение нескольких минут после остановки сердца.

Амбиции с течением времени имеют свойство угасать. Несмотря на все усилия и старания, мы до сих пор не открыли «волшебный укол», сохраняющий клетки мозга. Никто еще не разработал аппарат, который заменит сердечно-легочную реанимацию и будет воскрешать мертвых с сохранением их памяти. Мы все еще хороним целые стаи собак.

Те собаки в лаборатории были из приютов. Моему преподавателю нужны были почти щенки, потому что данные от старых особей ненадежны. Их точный возраст, конечно, никто не знал, но, если вы хоть раз в жизни сталкивались с собаками, отличить щенка не составит труда.

Псов вытащили из клеток и повели на поводке в комнату. Они боялись и дрожали, как будто их ждал ветеринар.

Внутривенный укол собаке делают так же, как и человеку. Ассистент привычным движением ввел одной из них седативное средство.

Это заняло несколько минут. Исследователи зафиксировали собаку на столе, она, наконец, успокоилась и легла. Затем ей ввели пентотал, который ее окончательно усыпил. Преподаватель интубировал пса, приклеив ему длинную трубку к носу, затем прикрепил кардиомониторы, перевернул его на спину, побрил грудную клетку и, наконец, провел торакотомию.

После открытия грудной клетки собаке пересекали аорту, останавливая поступление крови в головной мозг. Можно начинать измерения.

Мой преподаватель не изменил судьбу животных. Они были из приютов, и в любом случае их ждало усыпление. Но я мог видеть его эмоции. Он успокаивал собак на столе и говорил с ними как можно мягче. Прежде чем псы отключались, преподаватель на несколько мгновений казался мне человеком, который не мог смириться с тем, что собирается сделать.

Молодой хирург продолжал работать, выгребая теплые сгустки крови из грудной клетки пациента прямо на простыни.

Остальные тоже были там: они толпились вокруг меня, также напрягались, чтобы лучше видеть сам процесс, и все внимание было сосредоточено на луче хирургической лампы. Мы смотрели в операционное поле и не видели самого мальчика.

— В сердце пусто, — сказал хирург, остановил массаж и вытащил еще несколько сгустков крови из грудной клетки. Внутри было чисто и неподвижно. Перед нами лежало сердце, легкие, розовая плевральная оболочка, и все это выглядело как в книжке.

Затем врач удивил меня.

— Минута молчания, — сказал он и склонил голову.

Такое стало происходить совсем недавно. Минута молчания — это современный ритуал. Младшие хирурги делают так, даже если пожилые доктора не останавливают процесс.

Все замолкли. Медсестры, травматологи, рентгенологи, которые стояли в углу, если их услуги не требовались.

На мгновение стало совсем тихо, все снова заметили тело мальчика. Никто не знал его историю, никто ничего не знал, но внезапно все почувствовали странное благоговение.

Минута может проходить очень медленно. Минуты в таких случаях более чем достаточно.

— Хорошо, — наконец произнес хирург. Он поднял дряблое сердце и показал пальцем на дефект. — Пуля попала в желудочек здесь. И затем прошла через полую вену. Это травма, несовместимая с жизнью.

Таким образом, внимание переключилось, мертвый мальчик снова стал телом с огнестрельной раной, а хирург отошел в сторону и допустил к нему обучающихся.

Один за другим, они смотрели, трогали дряблое сердце, рану и полую вену, потому что такая возможность выпадает крайне редко, когда тело еще не остыло, и все его молодые анатомические структуры можно увидеть отмытыми и чистыми. В этот момент я вспомнил подопытных собак.

Когда пришла моя очередь, я сделал то же самое, что и все, причем щупал и смотрел рефлексивно, не задумываясь. Я уже был не резидентом, а врачом с опытом работы около двадцати лет. Но мне это не приходило в голову. Я просто увидел рану и почувствовал то же холодное любопытство, как и всегда в таких случаях.

Я держал его сердце в своей руке точно так же, как и другие, проследил раневой канал в точности, как остальные. Но случилось то, чего так сложно избежать. Я перевел взгляд на лицо этого красивого юного пациента, и мне пришлось за

Фрэнк Хайлер. *Да будет свет*

это поплатиться. Я снова подумал о своем сыне и о каком-нибудь человеке моего возраста, который делает тоже самое с его телом. И по какой причине?

Он был еще ребенком, думал я по дороге домой. Какой урок мне послала жизнь?

Град

Звуки монитора для наблюдения за состоянием плода похожи на шум прибора. С момента прикрепления к телу женщины он без конца трещит и шипит, улавливая каждое ее движение. Стоит женщине пошевелиться, вы услышите рев волны, а когда начинает сползать простынь, будьте готовы к звукам огромного водопада.

Но все это — лишь фоновый шум, из которого надо выделить едва уловимый стук сердца ребенка. Едва его поймаешь, как женщина пошевелится, и надо заново располагать датчик.

Сердце матери тоже бьется. Но этот звук глубже и медленнее, и разница колоссальна.

Сердце матери тоже шумит, ее руки сжимаются, она нервничает, тяжело дышит и потеет — эти звуки можно сравнить с шумом ветра в кроне деревьев. Вы положили ей на живот свою ладонь. Мышцы под вашей рукой рефлекторно превращаются в камень.

Такие ассоциации возникают после часов наблюдения. Сердце ребенка не должно слишком сильно или слишком надолго замедляться. Ему следует биться спокойно и равномерно. Тогда можно расслабиться: будущий человек готов к появлению на свет.

Я не покидал свой пост ни на минуту до самой ночи.

Свет фонарей проник через окно. В темноте монитор звучит музыкально и ритмично, как будто вы едете один ночью куда-то далеко: устали и слушаете авторadio, периодически поглядывая на эквалайзер. Эти звуки не усыпляют. Наоборот, они держат вас в сознании. Вы думаете о своей собственной жизни, о своем пути и о пути женщины рядом с вами, о каких-то фундаментальных вещах, которые непонятным образом всплыли в голове именно сейчас, дав понять, что они были с вами все это время.

Роды пугают мужчин. Ослепляющая боль немного отодвигает страх грядущего неизвестного. Однако он не исчезает полностью, и вы терпите, думая о надеждах и мечтах, о подготовленной детской в доме, о лице на экране УЗИ-аппарата, живом и призрачном одновременно, о руке, скользнувшей вверх и сжавшемся кулачке.

Той ночью они снизили громкость, чтобы все было слышно. Звуки отошли на задний план,